

О людях, ставших с ночи на утро властью в России, я имел весьма слабое понятие. В частности, я не знал, что такое Ленин. Мне вообще казалось, что исторические «фигуры» складываются либо тогда, когда их везут на эшафот, либо тогда, когда они посылают на эшафот других людей. В то время расстрелы производились в частном порядке, так что гений Ленина был мне, абсолютно невежественному политику, мало еще заметен. Уже о Троцком я знал больше. Он ходил по театрам и то с галерки, то из ложи грозил кулаками и говорил публике презрительным тоном: «На улицах льются народная кровь, а вы, бесчестные буржуи, ведете себя так низко, что слушаете ничтожные пошлости, которые вам выплывают бездарные актерши...» Насчет Ленина же я был совершенно невежественным и потому встречать его на Финляндский вокзал я не поехал, хотя его встречал Горький, который в это время относился к большевикам, как к враждебным.

Первым Божиим наказанием мне — вероятно, именно за этот поступок — была реквизиция такси-то молодыми людьми моего автомобиля. Зачем, в самом деле, нужна российскому гражданину машина, если он не воспользовался ею для верноподданного акта встречи вождя мирового пролетариата?

Я рассудил, что мой автомобиль нужен «народу», и весьма легко ушелся. В эти первые дни господства новых людей столица еще не отдавала себе ясного отчета в том, чем на практике будет для России большевицкий режим. И вот первое страшное потрясение. В госпитале зверским образом матросами убиты «враги народа» — большие Кокосикин и Шингарев, арестованные министры Временного правительства, лучшие представители либеральной интеллигенции.

(Шингарев А. И., врач, Кокосикин Ф. Ф. — приват-доцент, члены ЦК партии кадетов. — Прим. ред.)

Я помню, как после этого убийства потрясенный Горький предложил мне пойти с ним в министерство юстиции хлопотать об освобождении других арестованных членов Временного правительства. Мы пришли в какой-то второй этаж большого дома где-то на Конюшенной, кажется, около Невы. Здесь нас принял министр юстиции Штейнберг. В начавшейся беседе я занимал скромную позицию манекена — говорил один Горький, Евзовичевский, бледный он говорил, что такое отношение к людям омерзительно. «Я настаиваю на том, чтобы члены Временного правительства были выпущены на свободу немедленно. А то с ними случится то, что случилось с Шингаревым и Кокосикиным. Это позор для революции». Штейнберг отнесся к словам Горького очень сочувственно и обещал сделать все, что может, возможно скорее. Помимо нас, с подобными настояниями обращались к власти, кажется, и другие лица, возглавлявшие политический Красный Крест. Через некоторое время министры были освобождены.

Обычная наша театральная публика, состоявшая из богатых, зажиточных и интеллигентных людей, постепенно исчезла. Залы наполнились новой публикой. Перемена эта произошла не сразу, но скоро солдаты, рабочие и проstonародье уже господствовали в составе театральных зал. Тому, чтобы простые люди имели возможность насладиться искусством наравне с богатыми, можно, конечно, только сочувствовать. Но напрасно думают и утверждают, что до седьмого пота будто бы добивался русский народ театральных радостей, которых его раньше лишали, и что революция открыла для народа двери театра, в которые он раньше безнадежно стучался. Правда — то, что народ в театр не шел и не бежал по собственной охоте, а был подталкиваем либо партийными, либо военными чечками. Шел он в театр «по наряду». То в театр нарядят такую-то фабрику, то погонят такие-то роты. Да и то сказать, скучно же очень, какому-нибудь фельдфебелю слушать Бетховена в то время, когда все сады частных домов объявлены общественными и когда в этих садах освобожденная прислуга под гармоникку славного Фиски Изумрудова откалывает кадильцы.

Как бы то ни было, театры и театральные люди были у новой власти в некотором фаворе. Потому ли это было, что комиссар народного просвещения состоял А. В. Луначарский, лично всегда интересовавшийся театром, то есть чистое случайно, потому ли, что власть хотела и надеялась использовать сцену для своей пропаганды; потому ли, что актерская среда, веселая и общительная, была приятна новым властителям как оазис беззаботного отдыха после суровых «трудов», потому ли, наконец, что нужно же было властям показывать, что и в эпоху «высокого и прекрасного» — ведь вот в Монте-Карло содержат хорошую оперу для того, чтобы, помимо возгласов крупье «Faites vos jeux!» (делайте ставки), благодарно раздвигались еще там и крики Валькирий — большевицкая бюрократия к театру тяготела и театру мировольно, но и мировольно не давала забывать актерам, что это «милость». Вспоминается мне в связи с этим очень характерный случай. Русские драматические актеры разыгрывали в театре Консерватории «Дон Карлоса». Я пошел посмотреть их, сел в партер. А поблизости от меня помещалась главная ложа, предназначавшаяся для богатых. Теперь это была начальственная ложа, и в ней с друзьями сидел коммунист Ш., заведовавший тогда Петербургом в качестве как бы полицмейстера. Увидев меня, Ш. пригласил меня в ложу выпить «ним чашку чаю. Кажется, там был Зиновьев, самовластный феодал недавно еще блистательный советский столиц.

За чашкой чаю Ш., увлекшись хорошо разыгрываемой пьесой, вдруг замечает мне:

— По-нашему вас, актеров, надо уничтожить.

— Почему же? — спросил я, несколько огорченный приятной перспективой.

— А потому, что вы способны размягчить сердце революционера, а оно должно быть твердо, как сталь.

— А для чего оно должно быть твердо, как сталь? — допрашивал я дальше.

— Чтоб рука его не дрогнула, если нужно уничтожить врага.

Я рискнул возразить петербургскому полицмейстеру Ш., как некогда — с гораздо меньшим риском! — возразил московскому обер-полицмейстеру Трепову, сдержанно и мягко:

— Товарищ Ш., вы не правы. Мне кажется, что у революционера должно быть мягкое детское сердце. Горючий ум и сильная воля, но сердце мягкое. Только

при таком сочетании революционер, встретив на улице старика или ребенка из вражеского стана, не воткнет им кинжала в живот...

Акт начался. Пронзив меня острым взглядом выпуклых глаз, Ш. произнес ошеломительную фразу, как будто не ввязываясь с темой нашей беседы.

— Довольно скудно пить чай, Шалыпин, не правда ли?

И затем прибавил тихо, чтобы его не слышали:

— Лучше бы нам посидеть за бутылкой хорошего вина. Интересно было бы мне с вами поговорить.

— Что же, выпьем как-нибудь, — сказала.

Голос Ш. звучал мягко. Мне показалось, что желание «потолковать» было, несомненно, связано с вопросом, какое должно быть у революционера сердце...

Я подумал, помнится, что не все ясно в сердцах этих людей, официально восхваляющих некогда доблесть стали...

Мы расстались с крепким рукопожатием. Но курьезно, что хотя мы с Ш. еще не раз встречались, и именно за бутылкой вина, разговоров о революции он явно избегал. В нашем вине, вопреки латинской поговорке «in vino veritas», была какая-то неискренность.

«Начальство» нравилось мне все меньше и меньше. Я заметил, что искренность и простота, которые мне когда-то так глубоко imponировали в социали-

распоряжение о немедленном их освобождении. Горький, радостно возбужденный, едет в Петербург с бумагой. И на вокзале из газет узнает об их расстреле! Какой-то московский чекист по телефону сообщил о милости Ленина в Петербург, и петербургские чекисты поспешили ночью расстрелять людей, которых наутро ждало освобождение... Горький буквально заболел от ужаса.

А Мария Валентиновна все настойчивее и настойчивее стала напешивать мне: бежать, бежать надо, а то и нас заберут, так же, может быть, по ошибке, как Стюартов.

Бежать... Но как? Это не так легко. Блокада. Не точно уяснял я себе, что такое блокада, но знал, что пробраться за границу во время блокады очень трудно. Мне представлялись границы, солдаты, пушки. Ни туда ни сюда.

Я очень серьезно захворал. От простуды я очень серьезно заболел ишиасом. Я не мог двигаться и слег в постель. Не прошло и недели этого вынужденного отдыха без заработков, как мое материальное положение стало весьма критическим. Пока пел, то покинул пайков и на стороне прорабатывал кое-какие дешёвые денег, пере-

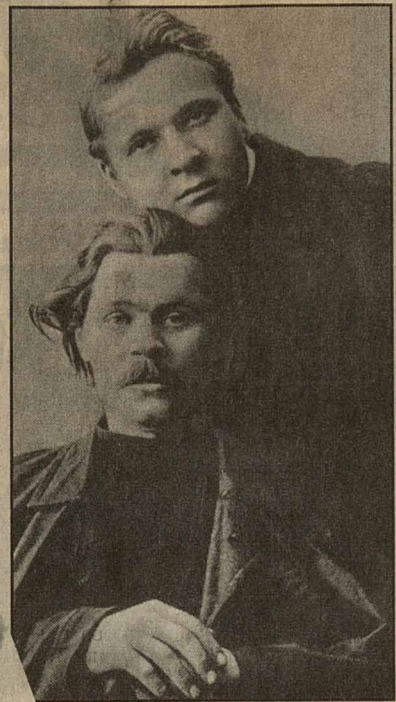
стал петь — остались одни только скудные пайки. В доме нет достаточного минимума муки, сахара, масла. Нет и денег, да и немного они стоили. Я отыскал у себя несколько завалившихся иностранных золотых монет. Это были подарки дочерям, привезенные мною из различных стран, где приходилось бывать во время гастролей поездок. Но Арсений Николаевич, мой старший друг и знакомый, особенно наклонив голову на правое плечо и взяв бородку штопором в руки, многозначительно помолчал, а потом сказал:

— Эх, Федор Иванович, на что нужны эти кругляшечки? Была игрушка, да сожрала чужка. Ничего мы не купим на это, а ежели у тебя спринжачок или сапоги есть — дай: достану. И мучки принесу, и сахар будет.

В эти дни и укоренилась во мне преступная мысль — уйти, уехать. Все равно куда, но уйти. Не ради самого себя, а ради детей.

Затаял я

Министры арестованы.

решение, а пока надо было жить, как живется.

Была суровая зима, и районному комитету понадобилось выгнать на Неве затонувшие барки для дров. Районный комитет не придумал ничего умнее, как мобилизовать для этой работы не только мужчин, но и женщин. Получается приказ Марии Валентиновны, ее камеристке и прачке отправляться на Неву таскать дрова.

Наши дамы приказ, естественно, испугались — ни одна из них к такому труду не была приспособлена. Я пошел в районный комитет не то протестовать, не то ходатайствовать. Встретил меня какой-то молодой человек с вислоухими

сдачи всего этого в 24 часа. Предупреждая, что иначе я буду арестован. Пошел я раньше в комитет. Там я нашел интереснейшего человека, который просто очаровал меня тем, что жил совершенно вне «темпов» бурного времени. Кругом кипели страсти, и обнаженные нервы металы искры, а этот комитетчик — которму все уже, по-видимому, опостыло до смерти — продолжал жить тихо-тихо, как какой-нибудь Ванька-дурачок в старинной сказке.

Сидел он у стола, подперши щеку ладонью руки, и, скучая, глядел в окно, во двор. Когда я ему сказал: «Здравствуйте, товарищ!» — он не шелохнулся, как будто даже и не посмотрел в мою сторону, но я все же понял, что он ждет объяснений, которые я ему и предъявляю.

— Надо сдать, — задумчиво, со скукой, не глядя протискивая сквозь зубы комиссар.

— Но... — декрет, — в том же тоне.

— Ведь...

— Надо исполнить.

— А куда же сдать?

— Миможно сюда.

И тут комиссар за все время нашей беседы сделал первое движение. Но все-таки не телом, не рукой, не головой — изпод неподвижных век он медленно покосился глазами в окно, как будто приглашая меня посмотреть. За окном, в снегу, валилось на дворе всякое «оружие» — пушки какие-то негодные, ружья и всякая дрянь.

— Так это же сгниет! — заметил я, думая о моей коллекции, которую годами грел в моем кабинете.

— Да, сгниет, — невозмутимо согласился комитетчик.

Я мысленно «плюнул», ушел и, разозлившись, решил отправиться к самому Петрову.

(Петров Я. Х. после Октябрьской революции — член коллегии и заместитель председателя ВЧК, председатель Революционного трибунала. — Прим. ред.)

Петер милостиво оружие мне оставил. «Впредь до нового распоряжения».

Стали меня очень серьезно огорчать и дела в театре. Хотя позвали меня назад в театр для спасения дела и в первое время с моими мнениями считались, но понемногу закулисные революционеры опять стали меня одолевать. У меня возник в театре конфликт с некоей дамой, коммунисткой, заведовавшей каким-то театральным департаментом (К. Л. Рудницкий считал, что эта дама — М. Ф. Андреева, с 1918 года занимавшая пост Комиссара театров и зрелищ в Петрограде). Пришел в Маринский театр не то циркуляр, не то живой чиновник и объявляет нам следующее: бывшие императорские театры объявлены богатствами реквизита, костюмов, декораций. Так вот, видите ли, костюмы и декорации стоили должны быть посланы на помощь немущим. Пусть обслуживают районы и провинцию.

Против этого я резко возстал. Единственные в мире по богатству и роскоши мастерские, гардеробные и декоративные императорских театров Петербурга имеют свою славную историю и высокую художественную ценность. И эти сокровища начнут растаскивать по провинциям и районам, и пойдут они по рукам людей, которым они решительно ни на что не нужны, ни они, ни их история.

Но бороться «буржуа» с коммунистами нелегко. Резон некоммуниста не имел права даже называться резонном...

Тогда я с управляющим театром, мне сочувствовавшим, решил съездить в Москву и поговорить об этом деле с самим Лениным. Свидание было получено не очень легко, но местный мой старый знакомый объявил с флюсом и с подвизанной шекой... А то тогда в России ходил без флюса? Им объявлялись буквально все люди, у которых у самих еще недавно были очень крепкие зубы.

Случилось мне увидеть и самого знаменитого из руководителей Чека, Феликса Дзержинского. На этот раз не я искал встречи с ним, а он пожелал видеть меня. Я думаю, он просто желал подвергнуть меня допросу, но из внимания, что ли, ко мне избрал форму интимной беседы. Я упоминал уже о коммунисте Ш., который как-то жаловался, что актеры «размывают сердце революционера» и признавался, что ему «скудно, Шалыпин, беседовать за чаем». Это Ш. позже сделался начальником какого-то отряда нехватку в 15 000 рублей. Коммунист Ш. был мне симпатичен — он был «славный малый», не был, во всяком случае, вульгарным вором, и я не думаю, что он произвел окончательную расправу. Вероятно, какая-нибудь красивая актриса «размывала ему сердце», и так как ему было «скудно за чаем», то он заимствовал из казны деньги на несколько дней с намерением их потратить. Действительно, казны была им полновата: взят, только быть, у кого-нибудь «взаимно». Но самый факт нехватки казенных денег произвел впечатление, и делом занялся сам Дзержинский. Так как было замечено мое расположение к Ш., то Дзержинский пожелал меня послушать. И вот получаю однажды приглашение на чашку чаю к очень значительному лицу и там нахожу Дзержинского.

Дзержинский произвел на меня впечатление человека сановитого, столичного, серьезного и убежденного. Говорил с мягким польским акцентом. Когда я пригласил к нему, я подумал, что это революционер настоящий, фанатик, революции импонирующий. В деле борьбы с контрреволюцией для него, очевидно, не существует ни отца, ни матери, ни сына, ни святого Духа. Но в те времена у меня не получалось от него впечатления простой жестокости. Он, по-видимому, не принадлежал к тем отвратительным партийным индивидуумам, которые раз навсегда заморозили свои губы в линию нежности и при каждом движении нижней челюсти скрежещут зубами...

Дзержинский держался чрезвычайно тонко. В первое время даже не приходила в голову мысль, что меня допрашивают.

— Знаю ли Ш.? Какое впечатление он на меня произввел? — И т. д. и т. д. Наконец я догадался, что неспроста Дзержинский ведет беседу о Ш., и сказал о нем гораздо больше хорошего, чем можно было сказать по совести. Ш. отделился легкой карой. Карьера его не прервалась, но, должно быть, пошла по другой линии. Однажды через много лет я в отеле «Бристоль» случайно увидел моего Ш. — крикнул я ему.

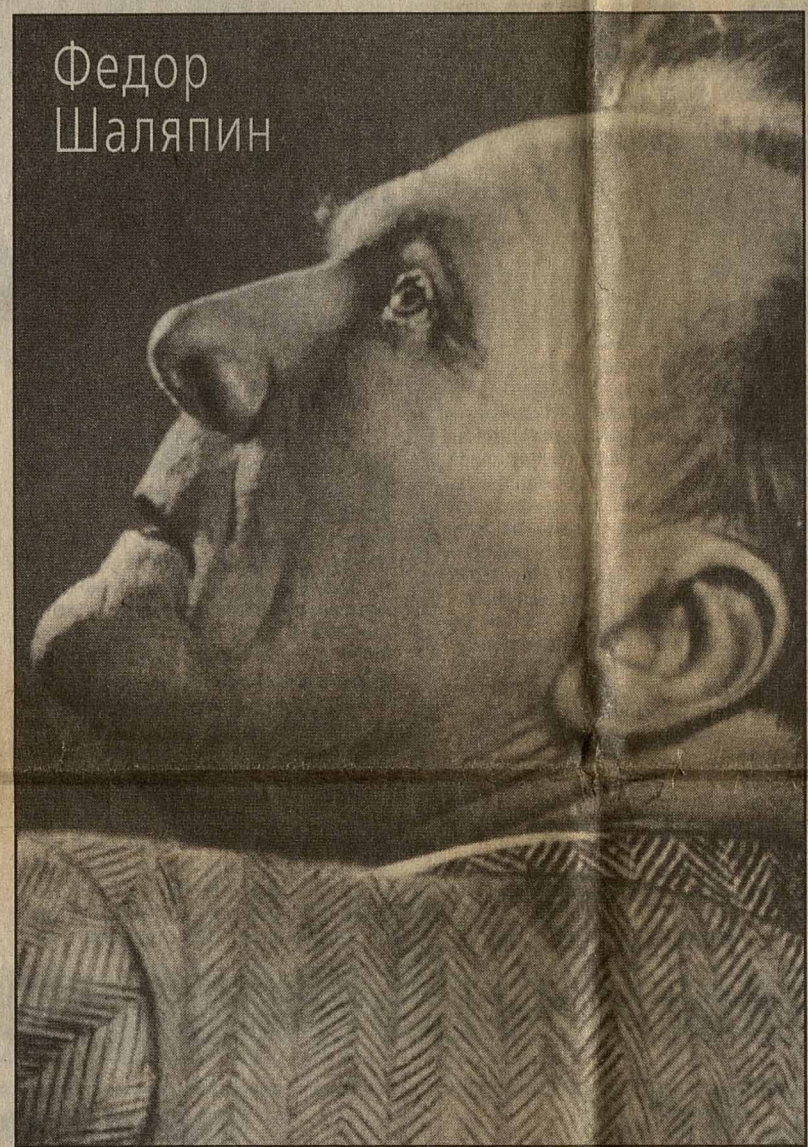
— Ба, никак Ш. — крикнул я ему.

— Ради Бога, здеся никакого Ш. не существует, — и отошел.

Что это значило, я не знаю до сих пор.

Книга Федора Шалыпина «Маска и душа» выходит в издательстве «Варгус» в серии «Мой XX век»

Временное правительство свергнуто.

Торжественно въезжает в покоренную столицу Владимир Ильич Ленин.

ШАЛЯПИН ГОЛОДАЮЩИМ

БОЛЬШОЙ ЗАЛ КОНСЕРВАТОРИИ

Пятница, 21го Апреля, 1904.

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗ ЗАГРАНИЦЫ

ШАЛЯПИН ГОЛОДАЮЩИМ

Р. И. КИТТЕН А. В. БОГДАНОВИЧА

Н. С. БЛИНДЕРА Ф. Ф. КЕНЕМАНА

ШАЛЯПИН Н. С. ГОЛОВАНОВА

ГОЛОДАЮЩИМ